

Джейн Остин

ЭММА

Перевод с английского
М. И. Кан

Иллюстрации
Ч.-Э. Брока

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ МЕЩЕРЯКОВА
2019

КНИГА I

ГЛАВА 1

Эмма Вудхаус, красавица, умница, богачка, счастливого нрава, наследница прекрасного имения, казалось, соединяла в себе завиднейшие дары земного существования и прожила на свете двадцать один год, почти не ведая горестей и невзгод.

Младшая из двух дочерей самого нежного потатчика-отца, она, когда сестра ее вышла замуж, с юных лет сделалась хозяйкою в его доме. Ее матушка умерла так давно, что оставила ей лишь неясную память о своих ласках; место ее заступила гувернантка, превосходная женщина, дарившая своих воспитанниц поистине материнскою любовью.

Шестнадцать лет прожила мисс Тейлор в доме мистера Вудхауса, более другом, нежели гувернанткой, горячо любя обеих дочерей, но в особенности Эмму. С *нею* у нее завязалась близость, какая чаще бывает у сестер. Мисс Тейлор, даже до того, как формально сложить с себя должность гувернантки, неспособна была по мягкости характера принуждать и обуздывать; от всякого намека на ее власть давно уже не осталось и следа, они жили вместе как подруга с подругой, храня горячую обоюдную привязанность; Эмма делала что ей вздумается, высоко цена суждения мисс Тейлор, но руководствуясь преимущественно своими собственными.

Здесь, правду сказать, и таился изъян в положении Эммы; излишняя свобода поступать своевольно, склонность излишне лестно думать о себе — таково было зло, грозившее омрачить многие ее удовольствия. Покамест, впрочем, опасность была столь неприметна, что Эмма ни в коей мере не усматривала в этом ничего дурного.

Явилась скорбь — нежная скорбь — однако вовсе не в разе горького прозрения. Мисс Тейлор вышла замуж. Утрата мисс Тейлор и сделалась для Эммы причиной первого горя. В день свадьбы милого друга Эмма впервые долго сидела, погруженная в унылое раздумье. Свадьба кончилась, собравшиеся разошлись, и они с отцом сели обедать вдвоем, уже не чая, что присутствие третьей скрасит им долгий вечер. После обеда родитель Эммы расположился, по обыкновению,

пророчеством, а то прямо беда: что ни напрогодишь, то все сбывается. Сделай милость, не устраивай больше браков.

— Для себя не буду, папа, обещаю вам, но для других, право, обязана. Нет в мире занятия веселее! И посмотрите, каков успех! Все говорили, что мистер Уэстон никогда не женится вторично. Ни в коем случае! Мистер Уэстон, который так долго прожил вдовцом и великолепно обходился без жены, постоянно занятый либо делами в городе, либо здесь, в кругу друзей, радушно принимаемый всюду, куда бы он ни пожаловал, всегда в прекрасном расположении духа — мистер Уэстон, которому нет ни малейшей нужды проводить в одиночестве хоть единый вечер в году? Помилуйте, конечно нет! Мистер Уэстон ни за что не женится снова. Поговаривали даже о некоем обещании, данном им жене, когда та лежала на смертном одре, а другие говорили, что ему не дадут жениться сын и его дядя. Какого только не болтали напыщенного вздора об этом предмете — но я ничему не верила. С того дня — тому будет года четыре, — как он повстречался нам с мисс Тейлор на Бродвей-лейн и, когда стал накрапывать дождь, с такой галантностью устремился к фермеру Митчеллу раздобыть для нас зонтики, все было для меня решено. С того самого часа я замыслила устроить этот брак, и можно ли полагать, милый папа, что я откажусь заниматься сватовством, если мне в этом случае сопутствовал такой успех!

— Успех? — сказал мистер Найтли. — Не понимаю, отчего вы выбрали это слово. Успех предполагает усилия. Если вы и вправду отдали последние четыре года усилиям по устройству этого брака, то это было проделано до чрезвычайности осторожно и тонко. Достойное занятие уму молодой девицы! Но ежели, как я склонен подозревать, устройство этого брака, прибегая к вашему выражению, состояло лишь в том, что вы его замыслили, что в минуту праздности сказали себе: «А славно было бы, я думаю, для мисс Тейлор, если бы мистер Уэстон женился на ней», — и после повторяли это себе время от времени, — тогда зачем вы толкуете об успехе? В чем ваша заслуга? Чем вам тщеславиться? Вас осенила удачная догадка, и больше тут говорить не о чем.

«С того самого часа
я замыслила устроить
этот брак»

красивенькая беседка, и в ней без труда могут поместиться десять человек».

Некоторое время Эмма предавалась своему развлечению, не задумываясь о том, что стоит за каждой фразой, но, получая все более полное представление о семействе Мартинов, мало-помалу прониклась новым чувством. Ей казалось, что на ферме живут мать с дочерью, сын и его жена, но когда выяснилось, что мистер Мартин, который непременно присутствовал в рассказах и упоминался всякий раз с похвалою за добродетель, явленную в том или ином поступке, — что этот мистер Мартин холост и что молодой миссис Мартин, жены его, не существует, тогда заподозрила Эмма, чем угрожает бедняжке Гарриет все это гостеприимство и радушие, — и поняла, что если не взять ее под свою защиту, то ей не миновать уронить себя невозвратно.

Одушевленная этою мыслью, она умножила число своих вопросов и углубила их, с умыслом побуждая Гарриет больше говорить о мистере Мартине, что явно не вызвало сопротивления. Гарриет с великой охотою рассказывала о том, как он участвовал в прогулках при луне и веселых играх по вечерам, не забывая отмечать, сколь он приветлив и любезен. Однажды изъездил три мили вокруг, чтобы добыть ей грецких орехов, потому что она обмолвилась, как любит их, — да и во всем прочем он неизменно так был услужлив! Как-то вечером он позвал в залу сына своего пастуха затем лишь, чтобы мальчик пел для нее. Она ужасно как любит пение. Он и сам недурно поет. Вообще он, кажется, умеет и понимает все на свете. Овцы у него отборные — в бытность ее на ферме никому в округе не предлагали такую высокую цену за шерсть, как ему. Ни от кого не слыхала она о нем ничего, кроме хорошего. Мать и сестры души в нем не чают. Миссис Мартин однажды сказала ей — говоря это, Гарриет зарделась, — что лучшего сына и вообразить невозможно и она уверена, что он станет примерным супругом, когда женится. Она, впрочем, вовсе не жаждет, чтобы он женился. Торопиться незачем.

«Ловко, миссис Мартин! — подумала Эмма. — Вы свое дело знаете».

Ей так приглянулась
эта коровушка

верила, что рисунок получится очаровательный и с честью займет предназначенное ему место, служа непреходящим свидетельством красоты одной из них, искусства другой и их обоюдной дружбы — и, возможно, навевая также приятные воспоминания иного свойства, которые сулит оставить нежная привязанность мистера Элтона.

На другой день Гарриет предстояло позировать снова, и мистер Элтон, как того и следовало ожидать, умолял, чтобы ему опять позволили при сем присутствовать и читать им вслух.

— Сделайте одолжение. Мы только рады будем принять вас в свою компанию.

Назавтра работа над картиною сопровождалась теми же изъявлениями учтивости и любезности и, ко всеобщему удовольствию, подвигалась успешно и споро. Портрет нравился всем, кто б ни увидел его; что же до мистера Элтона, он пребывал от него в совершенном упоении и, слышав хоть слово критики, тотчас вставал на его защиту.

— Мисс Вудхаус наделила свою приятельницу тем единственным, чего не хватало красоте ее, — заметила ему миссис Уэстон, нимало не подозревая, что обращается к влюбленному. — Выражение глаз передано очень верно, а вот таких бровей и ресниц у мисс Смит нет. И это портит ей лицо.

— Вы находите? — возразил он. — Я не согласен. Помоему, портрет верен до малейших подробностей. В жизни не видывал такого сходства! Тут, знаете ли, надобно брать в расчет игру света и тени.

— Вы сделали ее выше ростом, Эмма, — сказал мистер Найтли.

Эмма и сама знала, что это правда, ей только не хотелось в том сознаться, мистер же Элтон с горячностью вступился:

— Выше ростом? Помилуйте, нисколько, то есть ничуть не бывало! Посудите сами, ведь она сидит — что, естественно, представляет ее нам в ином... что, короче, именно и создает впечатление... нельзя же, знаете ли, не соблюдать пропорции! Пропорции, перспектива, а как же... Нет, помилуйте, он создает впечатление именно такого роста, как у мисс Смит. Именно, уверяю вас!

Он поминутно
вскакивал и подходил
посмотреть

вечером, по заведенному обычаю, собирался вист-клуб, которого мистер Элтон, как известно, ни разу до сих пор не пропускал, — и мистер Перри принялся увещевать его и говорить, как нехорошо с его стороны, что он не придет, ведь он у них лучший игрок, и всячески старался убедить его отложить поездку на один-единственный денек, но все было напрасно: мистер Элтон остался непреклонен в решимости продолжать свой путь и объявил, *до чрезвычайности многозначительно*, что едет по делу, которое его не заставят отложить никакие уговоры на свете, прибавив что-то насчет крайне лестного поручения, и что он якобы везет с собой такое, чему нет цены. Мистер Перри не слишком хорошо его понял, однако проникся уверенностью, что в этом деле явно замешана *дама*, о чем и сказал ему, — в ответ мистер Элтон только смешался, заулыбался и, пришпорив коня, лихо поскакал дальше. Все это рассказала ей мисс Нэш и еще много что говорила про мистера Элтона, а потом, выразительно на нее поглядев, заключила, что «не берется разгадать, в чем состоит дело, призвавшее мистера Элтона в Лондон, но, во всяком случае, та, которой мистер Элтон окажет предпочтение, будет счастливейшей из женщин, ибо мистер Элтон, как ей кажется, по красоте и обаянию не знает себе равных».

ГЛАВА 9

Итак, хотя мистер Найтли не поладил с Эммой, сама она не видела причин быть с собою не в ладу. Он был так сердит, что минуло более обычного времени, пока он вновь появился в Хартфилде, и, когда они встретились, по строгому виду его было ясно, что он ее не простил. Это огорчило ее, но она не раскаивалась. Напротив, все, что происходило в ближайшие дни, только оправдывало замыслы ее и действия, делало их лишь милее ее сердцу.

Портрет, вставленный в изящную раму, был вскоре по приезде мистера Элтона благополучно ей вручен, повешен над каминною доской в общей гостиной, и мистер Элтон, вскочив

*Мистер Элтон
заулыбался
и, прищипнув коня,
лихо поскакал дальше*

имеет времени заняться собой — он мне не раз говорил, что ему недосуг собой заняться, — и это очень прискорбно, но что поделаешь, его у нас постоянно рвут на части. Я полагаю, ни один медик нигде не имеет столь обширной практики. Впрочем, такого знающего медика больше и нет нигде.

— А миссис Перри и дети, как они? Дети очень выросли? Я так люблю мистера Перри! Надеюсь, он скоро навестит нас. Ему приятно будет увидеть моих крошек.

— Я тоже надеюсь, что он придет завтра же, мне необходимо узнать у него кое-что важное насчет себя. Но когда бы он ни пришел, душа моя, пусть непременно посмотрит горлышко у Беллы.

— О, у нее с горлом теперь обстоит настолько лучше, сэр, что я почти не вижу причин тревожиться. То ли это морские купанья сослужили добрую службу, то ли подействовали превосходные припарки, которые мы, по совету мистера Уингфилда, ставили ей с августа месяца.

— Маловероятно, душенька, чтобы ей могли пойти на пользу купанья, — а ежели б я знал, что ты ищешь состав для припарок, то поговорил бы с...

— Тобою, кажется, совсем забыты миссис и мисс Бейтс, — сказала Эмма, — я не слышала, чтобы ты хоть раз о них справилась.

— Ах, да! Добрые Бейтсы — мне так стыдно, — но, впрочем, ты упоминаешь о них почти в каждом письме. Надеюсь, у них все благополучно. Милая старенькая миссис Бейтс — я непременно проведу ее завтра, и детей возьму с собой... Они всегда так радуются, глядя на моих деток... А эта превосходная мисс Бейтс! Вот истинно достойные люди!.. Как они поживают, сэр?

— В общем, неплохо, душенька. Правда, еще месяца не прошло с тех пор, как миссис Бейтс, бедняжка, болела простудой.

— Как мне жаль ее! Но больше всего простуда свирепствовала нынешней осенью. Мистер Уингфилд говорил, что никогда на его памяти не бывало так много случаев простуды и она не протекала столь тяжело — разве что когда это был уже настоящий грипп.

«Мы оба
с тобой сьем
по мисочке»

первостепенное участие; сама она, оскорбленная, возмущенная до глубины души, не находила слов для достойного ответа. Она лишь смерила его взглядом — но таким взглядом, который, думалось ей, должен привести его в чувство, — а затем, встав с софы, пересела к сестре и уж более не удостаивала его вниманием.

Узнать, как принял мистер Элтон этот безмолвный договор, она не успела, ибо тотчас вслед за тем произошло новое событие: мистер Джон Найтли, выйдя проверить, какова погода, воротился и объявил во всеуслышание, что на дворе валит снег, все кругом занесло и сильно метет и, обращаясь к мистру Вудхаусу, заключил:

— Куда как браво открываете вы зимний сезон, сэр! Для кучера и лошадей ваших будет внове прокладывать дорогу сквозь снежный буран.

Бедный мистер Вудхаус онемел, пораженный ужасом, зато все прочие дружно заговорили — одних это удивило, других не удивило; одни задавали вопросы, другие бодрились. Миссис Уэстон и Эмма изо всех сил старались успокоить мистера Вудхауса и отвлечь его внимание от зятя, который, с торжеством и изрядной бесчувственностью, продолжал:

— Я был в восхищении, сэр, — говорил он, — когда вы отважно пустились в путь по такой погоде, хотя не могли не видеть, что очень скоро пойдет снег. Всякому ясно было, что снега не миновать. Я восхищен вашею твердостью и не вижу причин сомневаться, что мы превосходно доедем до дому. Едва ли за час-другой дорогу окончательно завалит снегом, да и на то у нас две кареты — перевернет ветром *одну* в открытом поле, так неподалеку будет другая. Глядишь, к полуночи и доберемся до Хартфилда в полной сохранности.

Мистер Уэстон, тоже по-своему торжествуя, признался, что уже некоторое время знает про снегопад, но помалкивал из опасения, как бы мистер Вудхаус не всполошился и не заспешил домой. Но говорить, что такой снег помешает им доехать, можно разве что в шутку — увы, они могут ехать без всяких опасений. Он пожалел, что дорогу не завалило снегом — уж

Она лишь смерила
его взглядом